

Фрагмент из романа

Jürgen Goldstein
Die Entdeckung der Natur. Etappen einer
Erfahrungsgeschichte

Matthes & Seitz, Berlin 2013
ISBN 978-3-88221-992-0

C. 9-24

Юрген Голдштейн
Открытие природы: этапы истории восприятия

Перевод Татьяны Баскаковой

**Человек это существо, смотрящее вверх и далеко вокруг себя:
об одолении горных вершин и плавании по морям и океанам**

Увиденное было поразительнее всего, что он мог себе представить. Если вон там люди – пронеслось, наверное, у него в голове, – тогда всё, что, как мы думали, мы знаем о людях, неправильно... Дело происходит 18 декабря 1832 года. Чарльз Дарвин стоит на южной оконечности Патагонии и смотрит на туземцев Огненной Земли. Для него они дикари. Но этого понятия недостаточно, чтобы описать, что он видит. Дикари были известны и раньше, Георг Форстер¹ на полстолетия раньше описал туземцев Таити. Об экзотической привлекательности этих чужаков европейцы знают давно. Однако те существа, которые стоят перед ним сейчас – размалеванные, одетые только в шкуры, жалкие, испуганные и недоверчивые, – не имеют ничего общего с «благородным дикарем», каким его рисовал себе Жан-Жак Руссо. Для него, Дарвина, они вовсе не прообразы человека, еще не испорченные цивилизацией, а пограничный случай того, что он вообще готов отнести к человеческому роду. Позже, оглядываясь назад, он напишет: *То было, безусловно, самое странное и любопытное зрелище, какое я когда-либо видел; я не представлял себе, как велика разница между дикарем и цивилизованным человеком – она больше, чем между диким и домашним животным, поскольку у человека больше способности к усовершенствованию*². Эти дикари – грязные, со спутанными волосами; у них неблагозвучные голоса и порывистые жесты; они издают ужасные крики. Люди ли это вообще? В голове у Дарвина проносится мысль: *Глядя на таких людей,*

---

1 Иоганн Георг Адам Форстер (1754-1794) – польско-немецкий писатель, путешественник, естествоиспытатель, этнограф; участник второго кругосветного плавания Джеймса Кука.

2 Здесь и далее (до следующей сноски) цитаты из Дарвина приводятся по изд.: Чарльз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света. М.: Гос. издательство биологической и медицинской литературы, 1935 (переводчик не указан).

едва можно поверить, что это наши ближние, живущие в одном мире с нами.

Ощущение их чужеродности перевешивает все прочие впечатления и остается. Разве не являются все люди – думал, наверное, Дарвин как убежденный христианин, каким он еще был в тот временной промежуток, – разве не являются все человеческие существа творениями Бога, а значит, родственными между собой и понятными друг для друга, связанными узами своего происхождения? – Однако ощущения связанности не возникает. *Мы едва ли можем поставить себя в положение этих дикарей и понять их действия.* Но как возникла столь глубокая пропасть между европейскими кругосветными путешественниками и существами, которые стоят напротив них на южноамериканском берегу, на расстоянии всего лишь вытянутой руки? Дарвин в достаточной мере лишен предрассудков, чтобы не смотреть на туземцев с имперским высокомерием, сверху вниз, – но он изумляется им, вплоть до полной растерянности. Может, они маркируют собой тот пункт, с которого началось «улучшение», то есть развитие людей?.. В одном из отдаленнейших уголков тогдашнего мира перед Дарвином предстала крайняя пограничная область человеческой культуры, отделенная от животного царства, как кажется, лишь тончайшей разграничительной линией. Дарвин достиг рубежа цивилизации, поскольку *здесь, на краю Южной Америки, человек стоит на более низкой ступени развития, нежели в каком-нибудь другом месте на земле.* Для ученого это шок: *Огнеземельцы пребывают в таком убогом состоянии варварства, какого я не ожидал увидеть у каких бы то ни было людей*³.

Это открытие существ, пребывающих на низшем пороге человечности, тяжело поразило Дарвина. Он не был к такому подготовлен. Новые впечатления обрушились, словно метеор, на прежние его представления о людях и, можно сказать, вызвали у него интеллектуальное землетрясение. Туземцы Огненной Земли, сидящие

---

3 Письмо Дарвина Дж. С. Хенслоу от 11 апреля 1833 г.

на корточках на скалах и дико размахивающие руками, в то время как волосы их развеваются, показались ему *истерзанными духами из какого-то иного мира*⁴. Дарвин сознает, что *впервые увидел человека в его первобытной дикости*⁵. Традиционное знание, которое содержится в книгах, уже нельзя привести в соответствие с таким зрелищем. Непосредственный опыт наблюдения торжествует над всем прочитанным и выученным: *Это настолько странно, что человек, сам не переживший такого, едва ли способен это себе представить*⁶. В тот самый момент, когда из-за увиденного прежние знания Дарвина оказываются поколебленными, в голову ему приходит чудовищная мысль: *Спешишь перенестись мыслью в глубь прошедших веков и вопрошаешь себя: неужели и наши прародичи были похожи на этих людей? – людей, у которых самые жесты и выражения лиц менее понятны нам, чем у домашних животных, людей, которые не обладают инстинктом этих животных и вместе с тем не могут, видимо, похвастать ни человеческим разумом, ни даже какими-нибудь навыками, обязанными своим происхождением разуму*⁷.

Эта мысль, продиктованная страхом перед неподобающим видом огнеземельских туземцев, маркирует самый серьезный перелом в истории антропологии: фундаментальное изменение учения о человеке. Устоять, увидев отвратительных дикарей, и не отказать им в праве называться людьми, более того, признать в них собственных предков – для Дарвина это было первым шагом к головокружительному выводу, что *все цивилизованные нации представляют: потомство варваров*⁸. Если между цивилизованным человеком и человеком-варваром может быть такая огромная разница,

---

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Чарльз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света, цит. изд., последняя глава.

8 Происхождение человека и половой подбор. Цит. по изд.: Чарльз Дарвин. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1927, кн. 1.

какую Дарвин наблюдал на побережье Огненной Земли – дистанция, позволившая ему заглянуть в глубины истории, как если бы огнеземельцы были живыми окаменелостями, оставшимися от более примитивной ступени культурного развития, – то почему бы не поставить следующий вопрос и не заняться поиском предков этих самых дикарей? Если дикарь – прообраз цивилизованного человека, то не существует ли какого-то прообраза дикаря?

Прошло почти сорок лет, прежде чем Дарвин решился публично сформулировать выводы, сделанные на основании его встречи с туземцами Огненной Земли. Тем временем он успел опубликовать свой основополагающий труд «Происхождение видов путем естественного отбора», где затрагивает проблему происхождения человека в одном-единственном предложении, утверждая, что решение этой проблемы станет неизбежным откровением: *Много света будет пролито на происхождение человека и на его историю*⁹. Только в 1871 г., в работе «Происхождение человека», Дарвин высказал свое обретенное трудом всей жизни убеждение, что человек произошел от некоторой низко организованной формы¹⁰. Это и есть тот мост, что должен соединить природу и человека: если поначалу Дарвин считал, что цивилизованный человек лишь в культурно-историческом плане зависит от менее высокоразвитой формы дикаря, то теперь он говорит о происхождении человека от животных: *человек и все другие млекопитающие оказываются потомками от общего предка*¹¹. Если когда-то, на берегу Патагонии, Дарвин отстаивал идею единства человеческого рода, хотя ему и нелегко далась мысль, что огнеземельцы и цивилизованные люди являются жителями одного и того же мира, то теперь он говорит о естественном происхождении человека – существа, который со всем своим *богоподобным умом*,

---

9 Чарльз Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: Наука, 1991 (последняя глава).

10 Происхождение человека и половой подбор (см. сноску 8).

11 Там же.

*постигшим движения и устройство солнечной системы, со всеми этими возвышенными способностями, <...> все еще носит, на своей телесной организации, неизгладимую печать низкого происхождения*¹². Это делает человека сопоставимым с животными – о наглядном сходстве между человеком и животными Дарвин написал целую книгу, озаглавленную «Выражение эмоций у человека и животных».

Чем вообще человек отличается от животных? В любом случае, благодаря дарвиновской теории эволюции он оказывается включенным в общий процесс развития природы и утрачивает то особое положение, которое ему обеспечивала на протяжении двух тысячелетий догма его божественного происхождения. Дарвин не может более допустить, что человек есть произведение отдельного акта сотворения¹³. Человек – результат невообразимо длительной эволюции биологических организмов. Для людей, чье самосознание ориентировано на традиционные представления, это звучит как неслыханная дерзость. Зигмунд Фрейд позже скажет, что открытие Дарвина разрушило мнимые преимущества сотворения человека и указало на его происхождение из животного царства и на неискоренимость его животной природы¹⁴. По мнению Фрейда, это открытие было – наряду с оскорбительным открытием Коперника, которое изгнало человека из центра Вселенной, и обидой, нанесенной психоаналитиками, доказавшими, что *Я не является господином даже в собственном доме*, – третьим, биологическим унижением современного человека, поскольку теперь, благодаря Дарвину, выяснилось, что человек, похоже, происходит от обезьяны. Критерии, которые должны определять сущность «гуманного», того и гляди сделаются расплывчатыми, утратят свою надежность. Конечно, человек наделен разумом, он обладает речью, способностью

---

12 Там же.

13 Там же.

14 Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Фирма СТД, 2003, стр. 276 (перевод М.В. Вульф, Н.А. Алмаева).

нравственного суждения, свободной волей – и это отличает его от животного. Но где мы должны провести границу и отделить развитие Homo sapiens от развития его предков? Насколько велик мог быть естественно-исторический промежуток, тот предполагаемый временной отрезок, когда свершился переход от одного к другому? Какие критерии годятся для того, чтобы отличить человека от еще-не-человека – и вместе с тем, как это сделал Дарвин при встрече с огнеземельцами, даже самым дальним сородичам, несмотря на их непохожесть на нас, все же не отказать в праве называться людьми?

Для Дарвина имеется один признак, способный устоять перед эрозией понятий. Ученый обнаружил его непосредственно в физической конституции гоминидов. Мы, наверное, не ошибемся, предположив, что готовность Дарвина признать за туземцами Огненной Земли статус принадлежности к одному с ним – человеческому – роду интуитивно основывалась на одном существенном обстоятельстве, побудившем его протянуть им руку: на том, что они СТОЯЛИ перед ним. Прямо стоячее положение – как форма организации и презентации тела – в глазах Дарвина является несомненной печатью, указывающей на стремление к высшему. И Дарвин, несмотря на свою готовность рассматривать людей в их родстве с животными, держится за этот символ, характерный для гоминидов: *Только человек стал двуногим; прямохождение – один из самых примечательных его признаков*¹⁵.

Можно опрометчиво принять эту мысль за не преодоленный Дарвином остаток традиции, за антропологическое тщеславие, восходящее к биологизму эпохи Просвещения. Ведь представление о прямохождении как об отличительном признаке человека имеет давнюю историю. Еще Аристотель рассматривал прямо стоячее положение человека как признак его исключительности: *Человек... один только из животных стоит прямо вследствие того, что природа*

---

15 Дарвин, Происхождение человека и половой подбор.

его и сущность божественны¹⁶. В «Метаморфозах» Овидия о боге-творце сказано: *И между тем как, склонясь, остальные животные в землю / Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо / В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи*¹⁷. Еще Иоганн Готфрид Гердер писал в 1784 году в «Идеях к философии истории человечества»: *Облик человека – прямостоящий; и в этом смысле человек на Земле единственен в своем роде. На основании этого особого положения он и является богом животных. Однако уже при жизни Гердера такое нельзя было повторять, не рискуя стать мишенью пародистов. Форстер, например, насмеялся над гердеровским отождествлением прямохождения и возвышенных устремлений: Разве все птицы не задирают голову? и более других – самые глупые из них, пингвины?*¹⁸

Со времен Дарвина распространилась более трезвая оценка положения, занимаемого человеком во Вселенной. Однако примечательный факт постоянного передвижения людей на двух ногах, «бипедии», никуда не делся. Обретение такой прямой осанки предполагает необходимость серьезнейших анатомических изменений, которым должен был подвергнуться скелет предшественников и ранних форм человека, прежде чем австралопитек (по сегодняшним подсчетам, более 4 миллионов лет назад), а вслед за ним Homo habilis (вероятно, 2,5 миллиона лет назад) и Homo erectus (около 1,6 миллиона лет назад) смогли стоять и ходить прямо. То есть такой особый путь анатомического развития не есть нечто само собой разумеющееся. Гердер ничего не знал об этих теряющихся в неопределенности доисторических стадиях развития, и все же ему хватило проницательности, чтобы понять: *только благодаря бесчисленным проявлениям напряженной деятельности... стали*

---

16 Аристотель О частях животных. М.-Л.: Биомедгиз, 1937, стр. 137 (перевод В.П. Карпова).

17 Книга первая, строки 84-86 (перевод С. Шервинского).

18 Г. Форстер, письмо С. Т. Зёммерингу, 19 мая 1785.

*возможными наша неестественная поза и неестественный способ хождения*¹⁹.

Многое говорит за то, что переход человека к прямохождению был обусловлен новыми требованиями со стороны изменившегося окружающего мира. Такой переход кажется реакцией на изменившиеся климатические условия и связанное с этим отступление от громадных лесных массивов: возникли открытые саванны, по которым должен был теперь бродить человек. Прямая походка, высвободившая руки, вероятно, обеспечивала ему некоторое преимущество. Как бы то ни было, гоминид, вероятно, именно в расчете на такое преимущество начал переходить к трудно достижимому балансированию в вертикальном положении. Поскольку это органичное изменение конституции гоминидов произошло – с точки зрения исторической периодизации – непосредственно перед появлением *Homo sapiens*, оно представляет собой антропологический признак с высокой символической значимостью: мы можем говорить о «человеке» с того момента, когда он впервые начал выпрямляться.

Следствием этого шага было нечто большее, нежели получение еще одного преимущества, обеспечивающего выживание. Следствия в данном случае едва ли можно переоценить. Вероятно, самым важным и долгодействующим эффектом новой, вертикальной организации человеческого организма стало изменение оптики. Формула, выражающая это изменение, очень проста: кто стоит, тот видит дальше. Стоящий на земле, конечно, видит не так далеко, как обезьяна, забравшаяся на дерево, но зато он может эффективнее реагировать на увиденное – приближаясь к нему или отдаляясь. Прямо стоящее положение дает оптимальную возможность хорошо видеть при одновременном сохранении максимальной подвижности. Важность этого обстоятельства трудно переоценить: в то время как ориентированное на землю положение тела или ветви дерева, на которое забирается обезьяна, ограничивают способность видеть,

---

19 Гердер, «Идеи к философии истории человечества».

свободное прямостоящее положение обеспечивает возможность свободного взгляда.

Только свободно смотрящему по сторонам гоминиду впервые открылся мир, выходящий за рамки жизненно-важного для него биотопа; и такой взгляд сквозь ширь ландшафта наверняка стал новым опытом преодоления границ. Возникло некое пространство, выходящее за пределы ближней сферы непосредственных требований, касающихся выживания. Формировалась привычка смотреть вдаль. Может быть, именно этот опыт преодоления границы спровоцировал появление у *Homo sapiens* нового органа, который должен был справляться с усложнившейся ситуацией: «разума». Расширению поля зрения соответствовала потребность в более разностороннем интеллекте. Как только человек поднялся на ноги, резко увеличилось количество доступных для него объектов познания. Став дальноруким, человек теперь мог обозревать горизонт, а также, подняв глаза, созерцать дневное и ночное небо. Выпрямившись, человек возвысился. По отношению к миру он оказался в положении на равных, «глаза в глаза». *Человек... своею прямою осанкой и высоко поднятой головой побуждает к созерцанию мира*, – сказано у Лактанция, одного из авторов христианской патристики. Изменившаяся оптика, обусловленная прямостоящим положением, похоже, ускорила процесс формирования человека и стала одним из характерных признаков *Homo sapiens*. Для точного в определениях Гердера человек – это *существо, смотрящее вверх и далеко вокруг себя*²⁰.

Если иметь в виду такие понятия, как естественное жизненное пространство и эволюционная ниша, то человека можно считать животным с «пограничным синдромом». У него нарушено нормальное отношение к естественным границам. Биотопа непосредственного жизненного мира ему недостаточно. Уже сам факт анатомического выпрямления есть органическая метафора для динамики

---

20 Гердер, «Идеи к философии истории человечества».

устремленности-вверх и стремления-вдаль. Тот путь развития, который прошло человеческое тело за истекшие сотни тысяч лет, каждый человек продолжает, когда покидает знакомое ему окружающее пространство, даже если он – подобно Одиссею – мечтает о возвращении. Заслуга Гердера состоит в том, что своей формулировкой о *существо, смотрящем вверх и далеко вокруг себя*, он показал: органическая метафора прямоходящего человека все еще может прочитываться, хотя ее патетический блеск уже потускнел. А ведь формула Гердера не нова – еще в эпоху античности человек осознавал себя как созерцателя звезд и всего земного. Но она, эта формула, хороша тем, что соединяет обе перспективы – взгляд вверх и далеко вокруг себя, – тем самым резюмируя оптические следствия органического феномена: перехода гоминида к прямохождению. В редуцировании этого события к чисто визуальному преимуществу как раз и заключается привлекательность гердеровской формулы, побуждающей нас сосредоточить внимание на одном из признаков человека: человек – это животное, получающее радость от созерцания.

Для него весь мир – объект созерцания. *А на Земле, говорит Сократ у Платона, есть много удивительных мест <...> и счастливы те, кому открыто это зрелище*²¹. Земля – счастье для созерцателя мира, «contemplator mundi», потому что она, в отличие от поверхности Луны, не пустынна, но являет собой воплощение многообразия, для постижения которого не хватит никакой жизни. Ее неисчерпаемые богатства делают людей номадами созерцания. *Земля очень велика, – говорит Сократ своим современникам, – а мы, жители Средиземноморья, занимаем лишь малую ее частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота*²². Просторы еще не исследованного мира становятся вызовом, а взгляд с птичьего полета – воплощением совершенной перспективы. Сократ

---

21 Платон, «Федон» 108с, 111а (перевод С.П. Маркиша).

22 Там же, 109а-б.

будто бы рассказывал, как выглядит Земля, если взглянуть на нее сверху²³.

Поэтому покорения горных вершин и плавания по морям и океанам – это не просто произвольные передвижения в пространстве; они всегда являются также выражением изначально характерного для человека стремления подняться высоко вверх и отправиться вдаль. Райнхольд Месснер²⁴ писал: *Горизонт вызывает у меня самое сильное переживание во время восхождения на вершины. Широта взгляда, обретаемая в результате подъема на все бóльшую высоту, становится для него, так сказать, первичным переживанием: Первые десять лет своей жизни я прожил на дне узкого ущелья, видя вокруг себя лишь крутые склоны – обрывистые известняковые скалы, обнаженные или покрытые лесами. Естественно, что для такого ребенка переломным моментом в жизни должен быть день, когда он увидел над собой широкое небо. Со мной это произошло гораздо раньше, чем я попал на равнину. Впервые передо мной открылся горизонт, когда я лазил по горам. Огромное впечатление произвело само лазание – насколько помню, скальные стены поразили меня тем, что оказались гораздо больше, чем представлялись из родной деревни. Но самым главным было впечатление от необъятности далей, открывшихся передо мной с вершины. Это было фантастическое зрелище. Как и панорамный вид с вершины горы, морской горизонт является символом преодоления границы. Перед нами открылся новый мир, – пишет Форстер, когда он вместе с Александром фон Гумбольдтом смотрит на море. – Мы в мыслях своих прозревали лежащий напротив берег и те далекие берега, которые океан делает доступными для дерзкого и усердного человека²⁵. Оставить позади родной берег и выйти в открытое море – в этом выражается воля откликнуться на обещание, воплощенное в*

---

23 Там же, 110b.

24 Райнхольд Месснер (р. 1944) – итальянский альпинист, первым покоривший все четырнадцать «восьмитысячников» мира, некоторые из них – в одиночку. Далее цитируется его книга «Хрустальный горизонт» в переводе В. Матвеевко.

25 Георг Форстер, «Мнения с Нижнего Рейна».

пустом горизонте.

Мы здесь оставим без внимания всякого рода спортивные мотивации, чтобы стремление к рекордам и самоутверждению, свойственное любителям экстремального альпинизма и кругосветных путешествий, не заслонило собой то антропологическое значение, которое имели на протяжении многих столетий покорение горных вершин и мореплавание. Когда Франческо Петрарка 26 апреля 1336 года поднялся – в Провансе – на гору Мон-Ванту, высотой 1912 м, им двигало *исключительно желание своими глазами увидеть необычайную высоту этого уголка Земли*; Чарльз Дарвин тоже записывает во время своего кругосветного путешествия: *Африка или Северная и Южная Америка – благозвучные, легко произносимые названия; но только плавая целые недели вдоль какой-нибудь небольшой части их побережий, полностью осознаешь, какие необъятные пространства нашего гигантского мира обозначают эти названия*²⁶. Речь идет об открытии мира, о выигрыше в возможности созерцания, а не об атлетических рекордах или авантюрах, потакающих собственному тщеславию.

То и другое – плавание по морям и покорение гор – вовсе не самоочевидные вещи. На протяжении многих веков существовало два важных аргумента против таких занятий. Во-первых, представление о подобающем человеку месте, которое он не должен покидать, было глубоко укоренено в культурной памяти Европы. Когда Помпоний Мела в I веке н.э. в своей работе «De chorographia»²⁷ взялся за описание земного круга, он обозначил регион за пределами знакомых земель – хотя и не вовсе неизвестный, но неисследованный – как «*situs incognitus*»²⁸; отсюда позже произошло выражение «*terra incognita*». Отправиться туда казалось чем-то немислимым, поскольку мифические «Геркулесовы столпы» обозначали границу, которую, как

---

26 Чарльз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света, цит. изд., последняя глава.

27 «Землеописание» (латинск.).

28 Неизвестное место (латинск.).

считалось, не следует пересекать: так назывались скальные образования, обрамляющие вход в Гибралтарский пролив, где сходятся европейский и африканский континенты. Выплыть в упомянутый пролив из Средиземного моря, чтобы оказаться в открытом океане, – это представлялось чем-то чудовищным.

И все же западная традиция знает такое стремление с тех самых пор, как помнит соответствующий запрет. Еще у Сенеки говорится: *Промчатся года, и чрез много веков / Океан разрешит оковы вещей, / И огромная явится взорам земля <...> / И Туле не будет пределом земли*²⁹ (по античным представлениям Туле была островом на самой северной оконечности мира). Этому обещанию суждено было исполниться благодаря Колумбу. То, что он считал Индией, оказалось новым континентом и поставило под вопрос всю систему знаний старого мира: важнее открытого континента было осознание того, что вообще еще возможно открыть что-то новое.

Сегодня мы уже не помним, какие невероятные физические и ментальные усилия должны были приложить люди, если они хотели овладеть открывающимися перед ними пространствами. Когда Фернан Магеллан 10 августа 1519 года с пятью кораблями отплыл из Севильи на Запад, чтобы открыть для испанской короны путь к островам с пряностями – восточный путь находился в то время под контролем португальцев, – он не подозревал, как долго продлится его путешествие. Он, правда, нашел то, что едва ли надеялся открыть: южноамериканский проход из Атлантики в «Mare Pacifico», как назвал Магеллан этот свободный от бурь океан, – и новый проход избавил моряков от необходимости огибать опасный мыс Горн. Однако само пересечение Тихого океана превзошло наихудшие опасения. Благодаря хронисту Магеллана, Антонио Пигафетте, мы знаем о невзгодах этого плавания: *В среду 28 ноября 1520 г. мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей*

---

29 Сенека, «Медея», Действие I, строки 440-444 (перевод Сергея Соловьева).

пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались³⁰. Среди матросов свирепствовала цинга. Из пяти кораблей с 256 офицерами и матросами на борту в гавань Севильи 8 сентября 1522 года вернулся только один, с восемнадцатью выжившими. Расстояние, преодоленное за время этого первого кругосветного плавания – 46 300 морских миль, – было настолько чудовищным, что о возможности повторить такой путь никто в то время не думал. Измученными, как только могут быть измучены люди, писал капитан Хуан Себастьян дель Кано испанскому королю, приближаются они к родине³¹. Если бы Господь Бог и Присноблаженная Мать Его не послали нам хорошей погоды, – пишет Пигафетта, – мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Они, правда, достигли островов с пряностями – ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов, – но не была ли цена, уплаченная человеческими жизнями, слишком велика? Я глубоко уверен, – записал Пигафетта в дневнике, – что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем. Ведь, чтобы совершать кругосветное плавание – обогнуть Землю, подобно второму солнцу, – нужно обладать таким качеством, как стойкость в величайших превратностях. Еще у Форстера чувствуется (как отголосок давнего запрета пересекать границу, отмеченную Геркулесовыми столпами) особое возбуждение при мысли о том, что он совершил нечто экстраординарное, когда на борту корабля «Resolution» («Решительность») в декабре 1773 года достиг в Тихом океане точки, наиболее удаленной от Лондона, – точки

---

30 Отчет Пигафетты здесь и далее цитируется по изд.: Антонио Пигафетта. Путешествие Магеллана; Мэйрин Митчелл. Эль-Кано – первый европейский кругосветный мореплаватель. М.: Мысль, 2000 (перевод В.С. Узина).

31 Сам капитан умер до высадки на берег, 4 августа 1522 г.

антиподов: *Мы были первыми европейцами (и я вправе также добавить: первыми людьми вообще), достигшими этой точки, куда, возможно, после нас не заберется больше никто*³².

Но и для горных регионов прослеживается значимость предписанных границ и постепенно нарастающее желание их преодоления. Долгое время вершины Альп оставались символом некоего недоступного мира. *Никто не осмеливается подниматься на них*, – пишет Мишель де Монтень в «Дневнике путешествия в Италию через Швейцарию и Германию 1580-1581 годов». Орас-Бенедикт де Соссюр³³ в 1786 году должен был назначить денежное вознаграждение, чтобы побудить местных альпийских жителей впервые подняться на гору Монблан высотой 4810 м – один крестьянин, разговаривая с де Соссюром, *называл... всех любителей покрытых ледниками гор глупцами*³⁴. Зачем, в самом деле, подниматься на горы, если нет такой необходимости? Александр фон Гумбольдт, совершая восхождение на вулкан Тейде на острове Тенерифе, был поражен, когда узнал от нанятых им проводников, что *прежде никто из них на вершину этого вулкана не поднимался*³⁵.

Метафора Геркулесовых столпов оказалась достаточно подвижной: она указывает не только на естественную границу для мореплавания, но и на тот порог, который не может быть преодолен при подъеме в гору. При восхождении на вулкан Чимборасо 23 июня 1802 года Александру фон Гумбольдту, которого сопровождали Эме Бонплан и Карлос Монтуфар³⁶, удалось подняться – по собственным подсчетам,

---

32 Георг Форстер. Путешествие вокруг света. М.: Дрофа, 2008, стр. 300 (редактор Зеленская Е.Ю.).

33 Орас Бенедикт де Соссюр (1740-1799) – швейцарский геолог, ботаник и альпинист.

34 Цитируется пересказ этой истории у И. Канта, в «Критике способности суждения» (перевод Н. Лосского).

35 А. фон Гумбольдт, «Исследовательское путешествие в американские тропики».

36 Эме Жак Александр Бонплан (1773-1858) – французский географ, ботаник, естествоиспытатель. Карлос де Монтуфар – эквадорский военный деятель, участник Войны за независимость испанских колоний в Америке 1810-1826 гг.

записанным в его дневнике – до отметки в 3036 футов, что приблизительно равняется 5915 метрам, и это была *наибольшая высота, до которой добирались мы сами (и до которой когда-либо добирался человек)*. Когда глубокая скальная трещина помешала ему и его спутникам продолжать подъем и вынудила их повернуть обратно, Гумбольдт записал в дневнике: *Это и были наши Геркулесовы столпы*. «Геркулесовы столпы» маркировали для него границу достижимого и вместе с тем символизировали осязаемое желание преодоления этой границы, поскольку он пишет, что *было бы интересно добраться до вершины*. Гумбольдт полагал, что подняться еще выше едва ли возможно; только в 1880 году Эдуарду Уимперу³⁷ впервые удалось покорить вершину Чимборасо высотой 6267 м. В 1922 году Джордж Ли Мэллори, Эдвард Феликс Нортон и Ховард Сомервель³⁸, поднимаясь на Эверест, впервые преодолели высотную границу в 8000 м. 29 мая 1953 года Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей³⁹ покорили эту высочайшую горную вершину Земли.

Однако не только опасение культурного свойства – опасение покинуть привычное для человека жизненное пространство – долгое время маркировало границу, которую, как считалось, не следует переступать. Тут сказывалось и теологическое представление, согласно которому такого рода проявления человеческого любопытства навлекали на себя подозрение в греховности. Аврелий Августин в «Исповеди», которую он начал записывать в конце IV века, заклеил «похоть очей» – *concupiscentia oculorum* – и сформулировал наставление, сохранявшее свою значимость еще для Петрарки, то есть

---

37 Эдуард Уимпер (1840-1911) – английский художник и альпинист, первый покоритель горы Маттерхорн в 1865 году.

38 Джордж Герберт Ли Мэллори (1886-1924) – английский альпинист; погиб на пути к вершине Эвереста или при спуске с нее. Эдвард Феликс Нортон (1884-1954) – британский армейский офицер и альпинист. Теодор Ховард Сомервель (1890-1975) – английский хирург, альпинист, художник и миссионер, около сорока лет проработавший врачом в Индии.

39 Сэр Эдмунд Персиваль Хиллари (1919-2008) – новозеландский исследователь и альпинист, первый покоритель Эвереста вместе с непальцем Тенцингом Норгеем (примерно 1914-1986).

по прошествии почти тысячи лет. В десятой книге «Исповеди» сказано: *И люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звезд, – а себя самих оставляют в стороне!*⁴⁰ Это звучит как запрет, как провозглашение некоего табу, и Петрарка понял это именно так. Дескать, грешно подниматься на горы или хотеть исследовать морские течения – ради того только, чтобы удовлетворить «похоть очей»... А между тем, наставление Августина скорее следует понимать как обратную сторону совершенной им революции в истории идей: Августин открыл внутреннюю жизнь человека, бесконечное богатство внутренней самости. Для Августина существует «внутренний человек», *homo interior*, и изучение этого внутреннего человека гораздо важнее, чем постижение внешнего мира явлений, поскольку именно внутри присутствуют истина и, в конечном счете, доступный для постижения Бог. Потому Августин и требует: *...вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке*⁴¹. Хотя горы выглядят внушительно, а моря чудовищны – что значат эти высоты и просторы по сравнению с глубиной и неизмеримостью твоей собственной личности? Августин тоже видел горы и моря, но они внушают ему меньше благоговения, чем его собственная способность закрыть глаза и вспоминать о них: *memoria*, то есть неисчерпаемая глубина памяти, есть сила духа, превосходящая все внешние феномены мира. Августин становится Колумбом внутренней самости. В бесконечных пространствах собственного внутреннего мира он открывает континенты своей личности. Его биографические признания представляют собой путевой дневник внутренней жизни.

Поэтому для Петрарки намерение подняться на гору ради открывающегося с нее прекрасного вида не было чем-то само собой

---

40   Перевод М.Е. Сергеенко.

41   Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999.

разумеющимся, как и для Колумба – желание пересечь просторы океана, выбрав путь, *каковым, насколько мы это достоверно знаем, не проходил еще никто*⁴². Высказанный Августином моральный упрек словно отбрасывал негативную тень на чувственное восприятие мира. В новом же свете вновь пробудившегося интереса к созерцанию мира – стремления познать безграничные просторы еще слишком мало изученной Земли или подняться на ее горные вершины – начинают появляться описания природы, для которых характерен особый тон. Конечно, созерцание и изображение воспринимаемой человеком природы имели место и раньше. Но отныне процесс постепенного открытия природы стимулируется осознанием того обстоятельства, что теперь, наконец, можно осуществить нечто такое, чего древние люди, похоже, хотели, но не могли добиться. Так, молодой Форстер вместе с Джеймсом Куком предпринимает морское путешествие с целью продвинуться как можно дальше на юг, в антарктические широты, – *плавание, какого до нас никто еще не совершал*⁴³. Дарвин же поражен необычным природным изобилием, существующим за пределами старого континента: *тем, что на расстоянии каких-нибудь нескольких градусов от его родной земли перед каждым европейцем раскрываются красоты иного мира*⁴⁴. Нового типа были и впечатления от тех горных миров, которые люди теперь мало-помалу начинали исследовать. Конрад Геснер – естествоиспытатель, родившийся в 1516 году в Цюрихе, – уже после первых изумивших его впечатлений поставил перед собой задачу регулярно подниматься на горные вершины, о чем он пишет в одном письме, датированном июнем 1541 года: *Я решил, что отныне буду каждый год подниматься на несколько гор или хотя бы на одну-единственную, в ту пору, когда растения*

---

42 Христофор Колумб, «Дневник первого путешествия». Цит. по изд.: Путешествия Христофора Колумба. М.: Географгиз. 1956 (перевод Я.М. Света).

43 Георг Форстер. Путешествие вокруг света, стр. 67.

44 Чарльз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М.: Terra, 2009 (перевод Е.Г. Бекетовой).

пребывают в расцвете жизненных сил, – отчасти ради познания этих растений, отчасти же ради таких достойных целей как тренировка тела и услаждение духа. Ведь, не правда ли, сколь велико наслаждение, сколь велики удовольствия для захваченного увиденным духа, каким бы он ни был, когда мы дивимся непостижимому величию гор и, можно сказать, высовываем голову из туч? Его разум, как он говорит, был потрясен поразительной высотой. Так прокладывался путь к новому.

Сколько бы предшественников у них ни было, новые открыватели мира видели в себе пионеров такого подхода к природе, который переворачивал все прежние теории. Даже когда они ориентировались на античные образцы, им удавалось выработать у себя взгляд нового типа. Если в теологической картине мира все природные явления были свидетельствами творческой силы Бога, то теперь исследователей интересовало, так сказать, именно природное в природе. Великий труд Гумбольдта, «Космос»⁴⁵, хоть и носит название в духе античной традиции, представляет собой дерзкую попытку дать современное описание всего физического мира – и о Боге там речь вообще не идет. Еще Плиний Старший в I веке н.э. создал энциклопедический труд по естественной истории в тридцати семи книгах, но его *Naturalis historia*⁴⁶ теперь служила лишь образцом, показывающим, как можно справиться с таким количеством научных сведений, – а также стимулом, побуждающим вступить в соревнование с этим античным накопителем знаний и превзойти его.

Там, где новый взгляд на природу обретает научный характер, он сразу стремится стать чем-то бóльшим, нежели просто эмпирическое обоснование какой-то современной теории, объясняющей физический мир. Но поскольку античные и средневековые теории о природе со времени Коперника подвергались подозрению в том, что они содержат

---

45 «Космос: план описания физического мира» – незаконченное многотомное сочинение Александра фон Гумбольдта; первый том вышел в 1845 г.

46 «Естественная история» (латинск.).

неправильные положения, а альтернативных научных истолкований часто еще не существовало, новые наблюдатели природы, как правило, старались отвлечься от своих заученных знаний, на время оставить книги в стороне и без предубеждений описывать то, что они видят. У Жоржа-Луи Леклерка Бюффона, автора 44-томного монументального и очень популярного в свое время труда «Естественная история» (*Histoire naturelle générale et particulière*), издававшегося в 1749-1804 годах, сформулировано требование, которое можно считать определяющим для этого нового подхода к наблюдению природы: *Необходимо на какой-то момент совершенно отказаться от всех наших предвзятых мнений и даже отбросить прежде сложившиеся у нас понятия.* Цель – сбор свидетельств в какой-то конкретный момент: *Поэтому начинающий должен заниматься наблюдением не только много, но и, так сказать, без какого бы то ни было намерения.* Начинаящими, в определенном смысле, были они все – эти поборники чувственного восприятия, которое являлось для них чем-то бóльшим, нежели просто проходной стадией на пути к абстрактному знанию.

Дарвин был одним из таких гениев чистого наблюдения. Его принцип: *Логическое мышление во время наблюдения есть фатальная ошибка, но оно в той же мере необходимо до наблюдения, как полезно после него.* Таким образом, чистое созерцание является актом аскезы: находясь в этом состоянии, человек максимально абстрагируется от собственных интересов, отбрасывает прежде полученные им знания и старается, прежде всего, сосредоточиться исключительно на созерцаемом объекте. Такое отречение от себя обусловлено уважением к тому, за чем человек наблюдает. Когда Мария Сибилла Мериан⁴⁷ в тропических джунглях Суринама рассматривает через увеличительное стекло какую-то бабочку, это насекомое открывается

---

47 Мария Сибилла Мериан (1647-1717) – немецкая художница и гравер, энтомолог. В 1699-1701 гг. совершила поездку в Суринам, а в 1705 г. издала книгу «*Metamorphosis insectorum surinamensium*» («Метаморфозы суринамских насекомых»). Высказывания Мериан цитируются по этой книге.

ей как нечто *дивно-прекрасное*, и оно заслуживает того, чтобы быть рассмотренным во всех деталях, ибо его красоту не описать никаким пером. Описывая далее метаморфозы насекомых, которых она изучала в Южной Америке, исследовательница намеренно отказывается от излишнего теоретизирования: *Я могла бы, конечно, сделать текст [сопровождающий иллюстративные таблицы] более подробным, но поскольку сегодняшний мир отличается тонкой чувствительностью, а взгляды ученых весьма различны, я решила просто остаться при своих наблюдениях.* Речь, короче, идет о том, чтобы – если воспользоваться словами Форстера – *внимательно наблюдать, а потом правдиво излагать увиденное*⁴⁸. Преимущество наблюдения перед теорией, чувственного восприятия перед понятийным осмыслением и описания перед абстракцией отстаивают и люди, которые привыкли иметь дело с природой, хотя сами естествоиспытателями не были. *Вы всегда хотите всё узнать сразу, вместо того чтобы сперва понаблюдать:* такой упрек навлекает на себя протагонист романа Петера Хандке «Китайские страдания». Отсутствие подобной торопливости (умение допустить, чтобы познанию естественным образом предшествовал опыт, а понятию – созерцание) есть высшее проявление искусства замечать существующее. Свободное от каких бы то ни было намерений разглядывание, наблюдение, чувственное восприятие, готовность «подставить себя» и отвлечься от себя: всё это в совокупности тождественно контемплативной способности – умению целиком и полностью сосредоточить внимание на Другом.

Кто выработает в себе такие качества, будет щедро вознагражден. Среди многих свидетельств новой внимательности по отношению к миру одно из самых прекрасных мы находим у Иоганна Вольфганга фон Гёте. Когда он в 1779 году путешествовал по заснеженным швейцарским Альпам, его каждый раз – в вечерние часы – поражал вид горной панорамы. Он не мог оторвать глаз от этого возвышенного зрелища: *Снова и снова ряды сверкающих покрытых льдом гор*

---

48 Цитата из книги Г. Форстера «Джеймс Кук, первооткрыватель».

притягивали к себе мои глаза и душу. Солнце постепенно склонялось к западу и освещало для нас большие поверхности. Какие же тогда вздымались за озером, многообразными рядами, черные скалы, зубцы, башни и стены! какие возникали дикие, чудовищные, непроницаемые подворья! Когда они многолико раскидываются под открытым небом, в своей чистоте и четкости очертаний... Захваченный таким зрелищем, Гёте заканчивает эту фразу высказыванием, в котором провозглашает природу небом на земле и отрекается от стремления к трансцендентному – от «притязания на Бесконечное», как он сам говорит: *...тогда ты охотно отказываешься от притязания на Бесконечное, потому что не можешь справиться в созерцании и в мыслях даже с Конечным*⁴⁹. Достаточно и этого мира. Таково счастье смотрящего.

Путешественники по миру, которым предоставляется слово в этой книге, одновременно являются и авторами – порой блестящими писателями, – и все они стремятся к непосредственности чувственного восприятия, все получают радость от созерцания. Открывающийся им таким образом жизненный опыт должен потом найти отклик в словах, в какой-то новой речи, в живых средствах выражения. Традиционный книжный язык скоро начинает казаться этим людям слишком запыленным, чтобы передать волшебную притягательность новых впечатлений, ибо, когда они пытаются описать великолепие только что открытого мира, знакомые слова быстро иссякают. Петрарка описывает вид, открывающийся с вершины Мон-Ванту, чуть ли не в стенографическом стиле. Колумб скорее цитирует античные представления о природных идиллиях, нежели находит собственные слова. Дарвин со смирением признает⁵⁰, что бесполезно описывать тому, кто остался дома, тропические пейзажи: *Объяснять человеку, никогда не покидавшему Европы, насколько тропический пейзаж не похож на привычный ему, – всё равно что рассказывать слепому, что*

---

49 И.В. Гёте, Письма из Швейцарии.

50 В письме отцу, Р.У. Дарвину, от 8 февраля – 1 марта 1832 г.

такое краски. Форстер тоже сетует⁵¹: *жалких двадцати четырех знаков алфавита не хватает, чтобы передать впечатления от природы.* – Как раз поэтому поиск точного, подходящего для описаний языка становится насущной задачей, возникающей в связи с наблюдениями над природой. *Тихо бродя по тенистым тропинкам и любуясь каждым раскрывающимся видом,* – пишет Дарвин⁵², – *я стремился найти слова для выражения своих мыслей.* Именно это придает особую привлекательность путевым дневникам, письмам и воспоминаниям авторов, которым мы здесь предоставляем слово: все собранные в данной книге документы запечатлели попытки найти новый язык.

С этим сопряжена и особая внимательность по отношению к впечатлениям, вызванным природой. Петрарка словно потерял дар речи, когда перед ним открылся вид с вершины Мон-Ванту. Как Форстер, так и Вильгельм Вейке⁵³ были очарованы пленительной красотой айсбергов. Жан Анри Фабр⁵⁴, рассматривая даже мельчайших насекомых, испытывал чистый восторг. Описанная природа – это всегда природа, воспринятая сквозь призму человеческих чувств. *Чтобы изобразить природу во всем ее возвышенном величии,* – пишет Александр фон Гумбольдт⁵⁵, – *не следует ограничиваться одними только внешними явлениями; природа должна быть изображена такой, какой она отражается во внутреннем мире человека...* Поэтому история наблюдений над природой может дать нам нечто гораздо большее, чем просто хронику географических открытий, сделанных возле далеких берегов или на впервые покоренных горных вершинах.

---

51 В письме Ф.Г. Якоби от 15 ноября 1789 г.

52 В «Путешествии натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“».

53 Вильгельм Вейке (1859-1917), немецкий простолоудин, был одно время слугой немецко-американского антрополога и естествоиспытателя Франца Боаса (1858-1942); вместе с Боасом в 1883-1884 гг. он совершил экспедицию к инуитам Баффиновой Земли в канадских арктических водах и по поручению Боаса составил дневник этого путешествия.

54 Жан Анри Фабр (1823-1915) – французский энтомолог и писатель, член многих научных обществ.

55 В «Космосе».

Отчеты о таком опыте, распределенные по годам и столетиям, позволяют проследить – даже в восприятии природы – изменение человеческого самосознания. Ведь то, на какие «отображения» природы способен один или другой человек, зависит не только от индивидуальных различий в характере (насколько восторженнее описывает природу Форстер, чем Дарвин!), но и от специфической окраски, которую придает взгляду культурно-историческая ситуация. Иоганн Каспар Гёте⁵⁶ и Франсуа-Рене де Шатобриан оба поднимались на Везувий, но за пол-столетия, разделяющие два эти восхождения, произошло кардинальное изменение менталитета: в то время как Иоганн Каспар Гёте был классическим путешественником XVIII века, стремящимся расширить свой культурный кругозор, и к тяготам восхождения на Везувий, осуществленного из чувства долга, старался относиться с юмором, Шатобриан воспринимал всё совсем иначе, под знаком романтического мироощущения, и на Везувии ему повсюду мерещились приметы смерти или упадка. Карл Филипп Мориц предпослал своему «Путешествию немца по Англии в 1782 году» именно эту мысль: *что каждый имеет свой масштаб, в соответствии с коим обмеривает и вещи, внешние по отношению к нему, и собственную точку зрения, с какой и рассматривает все предметы.* Различия между масштабами, смещения точек зрения как раз и образуют историю восприятия природы. Постепенное открытие природы на протяжении столетий сочеталось с обнаружением и этого аспекта – изменяемости свойственных человеку возможностей восприятия.

А значит, то, что человек понимал и понимает под «природой», тоже подвержено культурно-историческому изменению. На основе важнейших вех можно проследить одну из линий такого развития: от первого осознанного взгляда на ландшафт, носящего у Петрарки программный характер, и проявляющегося у Колумба (а также у других первооткрывателей природы) бессилия описать увиденное –

---

56 Иоганн Каспар Гёте (1710-1782) – юрист и императорский советник, отец И.В. Гёте.

через впечатляющие описания природных ландшафтов у Форстера, Гумбольдта и Гёте – и вплоть до отмеченной Клодом Леви-Строссом и Хандке неспособности сегодняшнего человека видеть мир неискаженным и находить для своих впечатлений о мире подходящие способы выражения. Начальный и конечный пункты этой линии развития, как кажется, отмечены отсутствием способности к созерцанию: если первые люди, которые – после эпохи античности – вновь возродили интерес к природе, имели в голове слишком много книжной премудрости, чтобы вообще заметить новое в его непохожести на почерпнутое из книг знание о мире, то сегодняшнему человеку смотреть на природу мешают чрезмерное обилие визуальных образов (заслоняющих его подлинные впечатления), predetermined ожидания и желание познавать себя: *наши глаза утратили свежесть восприятия, мы разучились смотреть*, – так оценивает Леви-Стросс нашу сегодняшнюю усталость от созерцания. Мы всё знаем, но ничего не видим. Открытие природы – как история обретения особого опыта, начавшаяся в XIV веке, – сегодня, похоже, подошло к концу. Если просматривать (в распределении по столетиям) отчеты, представляющие собой скрещивание опыта восприятия природы и способов человеческого самовыражения, обретает контуры линия развития, которая одна только нас и интересует: ибо в этой книге речь идет о начавшемся открытии чувственного восприятия природы, о постепенном разворачивании способности к такому восприятию и о нависшей сейчас над нами угрозе ее утраты.

Целью лежащей сейчас перед вами книги, «Открытие природы», не может и не должна быть исчерпывающая полнота изложения. В книге представлены лишь наиболее характерные примеры переживания природы, а в качестве путеводной нити выбраны два мотива: восхождений на горные вершины и морских путешествий. Поэтому о многих важных вещах здесь речь не идет: не рассказывается, например, ни о пересечении североамериканского континента Мериуэзером Льюисом и Уильямом Кларком в 1804-1806 годах, когда

они, проследовав от Сент-Луиса до устья реки Колумбии, преодолели расстояние в 6500 км; ни об открытии Давидом Ливингстоном водопада Виктория в 1855 году, когда он пересек африканский континент; ни о том, как Людвиг Лейхгардт⁵⁷ в 1848 году продвигался во внутреннюю часть Австралии, как попытка пересечь этот континент с востока на запад окончилась неудачей и стоила ему жизни; ни о покорении Южного полюса Руалем Амундсенем, 14 декабря 1911 года, и Робертом Скоттом, месяц спустя. Не упомянуто здесь и многое из того, что вошло в анналы мореплавания или истории альпинизма: скажем, впечатляющая антарктическая экспедиция Эрнеста Шеклтона на судне «Эндьюранс» в 1914-1916 годах или первовосхождение Германа Буля⁵⁸ на Нанга-Парбат 3 июля 1953 года.

То есть речь определенно не идет о хронике так называемой «эпохи открытий». Потому что для антропологии, понимаемой в широком контексте гуманитарных дисциплин, которая, как одним из аспектов человеческой природы, занимается и восприятием природы, и для изучения истории восприятия природы, зависимой от меняющихся представлений человека о себе самом, не имеет существенного значения, кто именно, когда и что впервые открыл. Если процесс постепенного открытия природы одновременно является разведкой возможностей человека, то здесь важны исключительно яркость обретенного нового опыта и его словесного выражения, а не фактические достижения первопроходцев. Каждый из рассмотренных нами авторов обогащает предшествующую историю восприятия природы какой-то новой, незаменимой перспективой. Каждый из привлеченных нами отчетов о путешествиях уникальным образом выразил одно из возможных отражений человека в природе. Поэтому здесь пойдет речь, среди прочего, о поездке Георга Кристофа

---

57 Людвиг Лейхгардт (1813 – не ранее 1848) – немецкий путешественник и геолог, исследователь Австралии.

58 Герман Буль (1924-1957) – выдающийся австрийский альпинист. Нанга-Парбат – восьмидесяти тысячник на северо-западе Гималаев.

Лихтенберга на остров Гельголанд и о восхождении Петера Хандке на Сен-Виктуар⁵⁹, хотя готовность каждого из этих писателей «подставить себя» природе не заслуживает того, чтобы их имена были внесены в какую-либо хронику рекордных достижений.

По сравнению с хранящимся в библиотеках изобилием фолиантов, посвященных гуманитарным и естественным наукам, путевые заметки и экспедиционные дневники, письма и воспоминания путешественников образуют достаточно скромный корпус. Написаны они в повествовательном тоне. И вполне можно не распознать их неповторимость, если видеть в них всего лишь подготовительные наброски к позднейшим теоретическим трудам (как в случае Гумбольдта или Дарвина) либо отмахиваться от них как от рассказов о субъективных переживаниях, не имеющих познавательной ценности (как, например, в случае Эдуарда Уимпера). Но такие рассказы следовало бы реабилитировать – как особую форму познания. Рассказ – это средство зафиксировать жизненный опыт, который невозможно подытожить, сведя к какому-то одному понятию. Если мы сведем содержание отчетов о путешествиях к хронике познания и фактических открытий, окажется утраченным то, в чем заключается своеобразие таких документов. Важно, если воспользоваться словами Георга Форстера, сохранить *разговорную простоту выражения как непосредственное обозначение свойственных человеку воззрений*⁶⁰. Добиться этого можно лишь в том случае, если мы будем вновь и вновь пересказывать впечатления о природе, полученные в ходе исполненных тягот путешествий, на основе первоначальных отчетов – с любовью к дословному звучанию текста. Но для чего должны мы воскрешать в памяти эти письменно зафиксированные путевые

---

59 Сен-Виктуар – горная гряда на юге Франции; наивысшая точка – 1011 м; Петер Хандке написал роман «Учение горы Сен-Виктуар» (1980; русский перевод 2006).

60 Предисловие Георга Форстера к выполненному им переводу «Сообщения об островах Палау» Джорджа Кита (1729–1797).

впечатления? Тот, кто хоть раз погрузится в них, больше не станет задавать себе такой вопрос.